

Аграрная политика в середине XX века

Хлебозаготовительная кампания 1934 г. в Западно-Сибирском крае

Владимир Ильиных

Grain collection campaign of 1934 in West Siberian region

Vladimir Ilinykh

*(Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk)*

DOI: 10.31857/S086956870015467-4

Важнейшие структурные особенности экономики СССР были заложены в рамках форсированной военно-индустриальной модернизации. Её проведение обеспечивалось имевшей преимущественно внеэкономический характер перекачкой материальных ресурсов из аграрного сектора в индустриальный за счёт внутренних ресурсов¹. Переход от нэповской экономики к мобилизационной обеспечила насильственная коллективизация. Стержневым механизмом мобилизационной экономики являлось налогово-податное обложение деревни.

Основной натурально-продуктовой податью — как по субъективной тяжести для крестьян, так и по объёмам и стоимости изъятия — являлись централизованные хлебозаготовки, в рамках которых, вне зависимости от официального наименования методов их осуществления, происходило отчуждение в государственный фонд произведённого в колхозах, совхозах и единоличных хозяйствах зерна. Без изучения заготовок невозможно понять особенности функционирования мобилизационной экономики и методы управления ею.

Ежегодное проведение хлебозаготовок традиционно приобретало характер хозяйственно-политических кампаний. На их организацию направлялись основные усилия органов партийного и государственного управления в аграрной сфере. Целостную картину функционирования и развития заготовительной системы невозможно реконструировать без детального изучения региональной специфики. Одним из главных хлебопроизводящих районов в 1930-х гг. оставалась Сибирь, роль которой традиционно возрастала при неурожае в европейской части страны. Подобная ситуация и наблюдалась в 1934 г. Задача данной статьи состоит в реконструкции хода заготовительной кампании в Западно-Сибирском крае². Её исследование позволит определить базовые черты и специфику проведения аграрной политики государства.

Анализ литературы по истории хлебозаготовок 1930-х гг. показывает, что лучше всего исследовано начало этого десятилетия³. Применительно к его

© 2021 г. В.А. Ильиных

¹ Кондрашин В.В. Влияние коллективизации на судьбы России в XX в. // Российская история. 2018. № 4. С. 4.

² В Западно-Сибирский край в границах 1930—1934 гг. входили основные зернопроизводящие районы Западной и Восточной Сибири.

³ См.: Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929—1932 гг.). М., 1966; Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: сельское хозяйство

середине проблема рассматривалась в рамках изучения смежных проблем — коллективизации, антикрестьянских репрессий, деятельности политотделов, налогообложения крестьянства, истории национальной деревни и др.⁴ Особенности кампании 1934 г. изучены недостаточно. Крупнейшим достижением постсоветской исторической науки стало издание серии документальных сборников, посвящённых коллективизации, голоду, хлебозаготовкам, в которых опубликованы источники по истории данной кампании⁵.

В начале 1930-х гг. основным методом проведения заготовок являлась контрактационная система. В заключаемых договорах (контрактах) фиксировались обязательства производителей поставить уполномоченному государством заготовительному органу выращенное зерно. Размеры поставок зависели не от объёма произведённой продукции, а от заданий, устанавливавшихся центром и разверстывавшихся на регионы, районы, сельсоветы, колхозы и единоличные хозяйства. Отличительная черта контрактационной системы — нестабильность планов, которые в течение года могли неоднократно меняться в сторону увеличения. Данный порядок подрывал экономику колхозов и лишал их стимулов расширять производство, являлся одной из основных причин массового голода в деревне.

С целью исправления ситуации в 1933 г. провели реформу заготовительной системы. Базовой натуральной податью стали обязательные поставки хлеба государству, официально имевшие статус налога. Их объёмы определялись по единым для каждого сельского района и неизменным в течение года нормам сдачи с каждого гектара запланированного посева. Для колхозов, не обслуживавшихся МТС, вводились более высокие нормы хлебосдачи, а для единоличных хозяйств они превышали колхозные.

К централизованным заготовкам также относились: взимаемая с колхозов натуроплата МТС, хлебосдача совхозов, возврат натуральных ссуд, взятых колхозами и совхозами у государства в предыдущие годы. Размеры натуроплаты рассчитывались исходя из плавающих порозрядных расценок отдельных видов сельхозработ (весновспашка, взмёт зяби, обработка паров, боронование и сев), зависевших от уровня урожайности. Хозяйство, отнесённое в более высокий разряд урожайности, платило МТС больше. Также предусматривалось процентное отчисление от общего объёма намолота молотилками и комбайнами

СССР, 1931—1933. М., 2011; Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и её результаты (1929—1933 гг.). М., 2014; и др.

⁴ См.: Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926—1937 гг.). Новосибирск, 1973; История советского крестьянства. Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства, конец 1927—1937 / Отв. ред. И.Е. Зеленин. М., 1986; Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири. Конец 1920-х — 1930-е годы. М., 1995; Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928—1941. Новосибирск, 1997; Шевляков А.С. Политотделы МТС и совхозов. Чрезвычайные партийно-государственные органы управления в сельском хозяйстве Западной Сибири в 1930-е годы. Томск, 2000; Павлова И.В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001; Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х — начало 1950-х гг. Новосибирск, 2003; Кондрашин В.В., Мозохин О.В. Политотделы МТС в 1933—1934 гг. М., 2017; и др.

⁵ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы. Т. 4 / Сост. В.П. Данилов. М., 2004; Голод в СССР. 1929—1934. Сборник документов. Т. 3 / Сост. В.В. Кондрашин. М., 2013; Политика раскрестьянивания в Сибири: хроникально-документальный сборник. Вып. 2 / Сост. В.А. Ильиных. Новосибирск, 2002.

МТС. Совхозы сдавали хлеб в соответствии с производственными планами. Все виды заготовок должны были осуществляться в строгом соответствии с установленными для каждого региона календарными сроками⁶. Дополнительными каналами поступления зерна в государственный и местные фонды служили также гарнцевый сбор, которым облагались мукомольные предприятия, и закупки хлеба потребкооперацией по заданию государства. Однако в предметную область настоящего исследования они не входят.

Упорядочение налогово-податного обложения деревни в сочетании с относительным укреплением колхозного и совхозного производства из-за более высокого, чем в предыдущие годы, урожая зерновых позволили властям добиться увеличения объёмов заготовок и выполнения государственного задания в сжатые сроки. В 1933/34 г. по всему СССР в централизованном порядке хлеба заготовили на 26%, а в Западно-Сибирском крае — на 18% больше, чем годом ранее⁷. Существенно выросли размеры выдачи зерна в счёт оплаты труда колхозников. Это позволило не допустить массового голода⁸.

Закрепить достигнутый успех планировалось в 1934/35 заготовительном году, по итогам которого — отменить карточную систему. Однако на подготовку новой кампании существенное влияние оказал недород. Гибель части озимых посевов и засушливая весна на Украине создали угрозу существенного снижения урожайности. Стабилизировать ситуацию могло увеличение заготовок в более урожайных восточных регионах, включая Западную Сибирь. При этом большую часть хлеба надлежало получить уже в первом квартале.

Утверждённый для Западно-Сибирского края государственный план на 1934/35 г. составлял 116,1 млн пудов (обязательные поставки колхозами — 71, единоличниками — 6, натуроплата — 22,1, хлебосдача совхозов — 15,6, возврат государственных ссуд — 1,4). В предыдущем году в крае заготовили 100,4 млн пудов⁹. Краевое задание превышало государственное, поскольку в него включались также страховые надбавки и отчисления в региональный и местные продовольственные фонды.

4 июля в адрес крайкома и крайисполкома пришла шифротелеграмма, подписанная И.В. Сталиным и В.М. Молотовым¹⁰, в которой сообщалось, что ЦК ВКП(б) и СНК СССР в соответствии с законодательно установленными сроками хлебосдачи по секторам и видам заготовок утвердили для края план поступления зерна на первый квартал 1934/35 заготовительного года в размере 43,9 млн пудов (в том числе по зернопоставкам — 25,5, по натуроплате — 11,7 и по хлебосдаче совхозов — 6,7). Однако его надлежит рассматривать как минимальный и обязательно перевыполнить. Основанием для этого служили результаты хлебопоставок в первом квартале 1933/34 г. Тогда по краю заготовили 50,8 млн пудов. В текущем году уборочная кампания на юге Западной Сибири, утверждали авторы записки, началась раньше, и поэтому зерна должно поступить не меньше, а больше. В связи с этим краевым органам управле-

⁶ Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни... С. 90, 107—108, 112—113.

⁷ Ежегодник хлебооборота за 1931/32, 1932/33 и предварительные итоги заготовок 1933 г. М., 1934. С. 12; РГАЭ, ф. 8040, оп. 3, д. 29, л. 1; д. 936, л. 19; Государственный архив Новосибирской области (далее — ГА НО), ф. П-3, оп. 2, д. 524, л. 11.

⁸ См.: Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода... С. 272—273.

⁹ Трагедия советской деревни... Т. 4. С. 66—67; ГА НО, ф. П-3, оп. 2, д. 575, л. 46 об., 132 об.; оп. 7, д. 476, л. 2; РГАЭ, ф. 8040, оп. 3, д. 29, л. 1.

¹⁰ ГА НО, ф. П-3, оп. 2, д. 544, л. 89—91.

ния предлагалось добиться перевыполнения утверждённого плана, заготовив в июле—сентябре 70 млн пудов хлебопродуктов. Обсудив возможности выполнения повышенного квартального заготовительного задания, руководство края направило в центр ходатайство о его снижении до 50 млн, однако получило отрицательный ответ¹¹.

Датой официального начала заготовительной кампании 1934/35 г. стало 15 июля. С этого дня в соответствии с постановлением ЦК и СНК от 1 июля 1934 г. «Об обязательных поставках зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами из урожая 1934 г.»¹² прекращались колхозная и индивидуальная торговля хлебом, а также его закупка потребкооперацией. Однако, несмотря на уверенность, что валовой сбор зерновых должен существенно превысить уровень 1933 г., темпы заготовок в крае значительно отставали от плановых. В июле хлебосдача оказалась минимальной — 23 тыс. пудов. В августе заготовили 282 тыс., тогда как годом ранее — 10 618 тыс. Минимальный план выполнили на 33%, повышенный — на 20,5%¹³.

В конце месяца, когда провал централизованных заготовок стал очевиден, первый секретарь крайкома Р.И. Эйхе и председатель крайисполкома Ф.П. Грядинский направили в адрес Сталина и Молотова письмо¹⁴, в котором ссылались на неблагоприятные погодные условия как основную причину невыполнения задания. Частые дожди и прохладная погода в конце лета значительно затянули созревание хлебов и начало уборочных работ на большей части края. Кроме того, отдельные районы (центральная и восточная часть) охватил недород: длительная засуха (с конца мая по начало июля) и нашествие саранчи практически уничтожили там посевы. Сбор зерновых во многих колхозах не превышал 1—1,5 ц/га. В тех районах центральной зоны, где летом дожди прошли, на состоянии зерновых сказалась нехватка влаги весной, вызванная сухой осенью и малоснежной зимой. Это привело к задержке всходов и созреванию поздних посевов.

Однако Центр не принял во внимание эти аргументы. 31 августа в адрес партийных и советских руководителей Поволжья и Сибири направили очень жёсткую по тону циркулярную телеграмму¹⁵, в которой сообщалось, что в августе текущего года зерна в СССР заготовлено меньше, чем в августе 1933 г. Более того, в конце месяца объёмы заготовок уменьшились. Адресаты циркуляра обязывались «немедленно» принять «соответствующие» меры воздействия по отношению к руководителям отстающих районов и хозяйств и неслатчикам хлеба. Кроме того, предлагалось отозвать из отпусков всех ответственных работников и немедленно направить две трети членов бюро обкомов, крайкомов и президиумов обл- и крайисполкомов на места на весь сентябрь в качестве уполномоченных.

Руководство Западно-Сибирского края резко активизировало организационную деятельность по форсированию хлебозаготовок. В течение сентября вопрос об уборке и заготовках обсуждался на заседаниях бюро крайкома практически ежедневно. 3 сентября бюро утвердило план на сентябрь¹⁶ в ранее

¹¹ Там же, л. 62—63.

¹² Собрание законов СССР (далее — СЗ СССР). 1934. № 10. Ст. 62.

¹³ ГА НО, ф. П-3, оп. 2, д. 469, л. 347; д. 588, л. 89; оп. 7, д. 476, л. 5.

¹⁴ Там же, оп. 2, д. 588, л. 11—12.

¹⁵ Там же, д. 544, л. 99—101.

¹⁶ Там же, д. 575, л. 144 об.

утверждённом размере (55 млн пудов) с добавлением невыполненной части задания на август (11,9 млн), а 7 сентября — порайонные пятидневные задания по заготовкам. Райкомы и райисполкомы должны были довести их до каждого колхоза, сельсовета и единоличного хозяйства¹⁷. После развёрстки районные власти обязывались ежедневно рассматривать список хозяйств, не выполняющих заданий. «Саботирующие» колхозы следовало лишать права использовать 10% намолоченного зерна для авансирования колхозников¹⁸, «обращая весь намолоченный хлеб полностью для выполнения установленного пятидневного плана», а руководителей таких колхозов «привлекать к ответственности за саботаж»¹⁹.

Особое внимание райкомов и райисполкомов обращалось на организацию выполнения плана зернопоставок единоличниками²⁰. Надлежало обеспечить сдачу ими зерна «непосредственно из-под молотилок с общественных токов, своевременно применяя к несдатчикам меры, предусмотренные законом, в том числе штрафы в размере пятикратной рыночной стоимости несданного хлеба и привлечение злостных несдатчиков к судебной ответственности на основании 61 статьи УК». При этом в нарушение законодательства окончательный срок выполнения единоличниками хлебосдачи перенесли с 1 ноября на 1 октября. Местные органы управления в соответствии с постановлением ЦИК и СНК от 11 сентября 1932 г.²¹ обязывались начать мобилизацию единоличников вместе с их лошадьми на работы по уборке и вывозу зерна в совхозах и колхозах. Региональные власти также приняли решение перенести на 1 ноября срок выполнения плана государственных заготовок «и этой победой ознаменовать приближающуюся годовщину Октябрьской революции»²².

Для контроля за ходом заготовок в районы направлялись уполномоченные крайкома и крайисполкома, представители райкомов и райисполкомов выезжали в сёла и колхозы. В начале сентября в Западную Сибирь в ранге уполномоченного ЦК и СНК прибыл Молотов. Направление в Новосибирск главы советского правительства — наглядное подтверждение той роли, которую Москва отводила региону в текущей кампании. Молотов проводил «беседы» с руководителями партийных и советских организаций края, требовал от них принятия «решительных мер» по форсированию хлебазаготовок, участвовал в заседаниях бюро крайкома 6, 7 и 15 сентября, выезжал в районы, информировал Сталина и Политбюро о ситуации, по просьбе руководства принимал решения о выделении краю дополнительных материальных ресурсов²³.

В целях ускорения уборки хлебов для каждого района и хозяйства установили конкретные даты завершения работ по скирдованию. Райкомы, райисполкомы и начальники политотделов МТС обязывались обеспечить участие в уборочных работах всего трудоспособного населения. Правлениям колхозов

¹⁷ Там же, л. 153 об.

¹⁸ Колхозам до завершения хлебопоставок позволялось использовать на внутривоспроизводственные нужды, включая натуральное авансирование колхозников, 10% намолоченного зерна (РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 2039, л. 60).

¹⁹ ГА НО, ф. П-3, оп. 2, д. 575, л. 157.

²⁰ Там же, л. 144 об., 149, 153 об., 176 об.

²¹ СЗ СССР. 1932. № 67. Ст. 403.

²² Советская Сибирь. 1934. 8 сентября. В соответствии с действующим законодательством колхозы обязывались выполнить обязательства по зернопоставкам до 31 декабря.

²³ ГА НО, ф. П-3, оп. 2, д. 575, л. 149, 153 об., 185; д. 581, л. 7; д. 544, л. 137.

предоставлялось право при распределении доходов уменьшать вдвое оплату трудодня колхозникам, уклоняющимся от участия в уборочных работах. Бюро крайкома также приняло решение «ввиду особо тяжёлых условий уборки в совхозах» разрешить директорам в обязательном порядке привлекать к уборочным работам всех трудоспособных, проживающих на их территории²⁴. При этом аргументы местных функционеров о том, что незрелое зерно косить нельзя, а уборка в непогоду приводит к огромным потерям, квалифицировались как «оппортунистические», «зелёные» или «мокрые настроения». Жёсткой критике «подобные настроения» подверг Эйхе²⁵, который ранее в письме в центр указывал на позднее созревание хлебов как объективный фактор задержки уборочных работ.

Поскольку сушилок для влажного зерна и крытых токов катастрофически не хватало, краевое руководство указало на необходимость использовать для этой цели объекты социально-культурного и бытового назначения, а также жилые помещения²⁶. 19 сентября бюро крайкома, рассмотрев вопрос «О сушке хлеба в зерносовхозах», обязало райисполкомы «выделить в прилегающих к совхозам населённых пунктах ряд помещений (церкви, клубы, склады и т.д.) для сушки зерна и необходимое количество людей для перелопачивания зерна на месте работ»²⁷.

Персональная ответственность за выполнение календарных заданий по уборке и сдаче возлагалась на районных руководителей. Бюро крайкома постоянно заслушивало информацию о ситуации в районах и принимало соответствующие решения. Так, 15 сентября бюро, в заседании которого принял участие Молотов, сделало «особое» предупреждение об исключении из партии и отдаче под суд в том случае, если они не добьются перелома в хлебозаготовках, секретарям райкомов и председателям райисполкомов Калачинского, Косихинского, Минусинского, Немецкого, Поспелихинского, Смоленского и Болотнинского районов, а также директорам и начальникам политотделов Гляденской, Орловской, Сосновской, Серебропольской, Тулинской, Кормиловской, Москаленской, Изылбашской, Красно-Туранской, Новой и Павлоградской МТС. Строгий выговор с предупреждением получили председатель Омского горсовета, секретарь горкома и районный уполномоченный Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК СССР, а также члены бюро райкомов и президиумов райисполкомов Черлакского и Татарского районов, где выполнение сентябрьского плана хлебозаготовок составило соответственно 2 и 7%. Секретарей этих двух райкомов и председателя Татарского райисполкома сняли с работы и отдали под суд. Недавно назначенный на должность председатель Черлакского райисполкома получил строгий выговор с предупреждением. Сняли с работы и отдали под суд директоров и начальников политотделов Калачинской, Зеркальской и Завьяловской МТС²⁸.

К форсированию хлебозаготовок привлекались органы юстиции и НКВД. В начале сентября краевые суд и прокуратура направили своим местным отделениям директиву об усилении внимания к уборке и хлебозаготовкам. Надлежало

²⁴ Там же, л. 184—185.

²⁵ Советская Сибирь. 1934. 18 сентября.

²⁶ ГА НО, ф. П-3, оп. 2, д. 575, л. 157 об.

²⁷ Там же, л. 185.

²⁸ Советская Сибирь. 1934. 17 сентября.

разработать план работы и для его исполнения «немедленно» выехать в районы, применяя в случае необходимости меры уголовного преследования против «саботажников»²⁹. 19 сентября президиум крайсуда заслушал доклад о работе судебных органов в связи с заготовками. В принятом постановлении работа большинства из них признавалась неудовлетворительной: «Ряд нарсудов до сих пор не провели ни одного процесса, большинство судов включается в работу крайне медленно». В связи с этим строгие выговоры получили народные судьи Здвинского, Калачинского, Каменского, Павлоградского и Ребрихинского районов, в которых не состоялось ни одного процесса «над виновниками срыва хлебопоставок». Судей предупредили, что если они не организуют такие процессы в течение 5 дней, то будут привлечены «к строжайшей ответственности вплоть до предания суду». Строгий выговор с предупреждением также объявлялся судье Татарского района, который «ограничился осуждением в августе месяце 2-х колхозников за плохое обращение с лошадьми и 1 человека за кражу хлеба, не провёл ни одного процесса над конкретными виновниками срыва плана хлебопоставок»³⁰.

За день до заседания президиума крайсуда — 18 сентября — бюро крайкома приняло постановление «О борьбе с контрреволюцией»³¹. В нём предлагалось: начальнику Управления НКВД по краю Н.Н. Алексееву «в ближайшее время исключительно сосредоточиться на руководстве борьбой с контрреволюцией и саботажем хлебозаготовок»; ему и крайпрокурору И.И. Баркову организовать ряд процессов «с вынесением высшей меры наказания за саботаж хлебозаготовок и вредительство в хозаппарате»; заместителю председателя крайсуда Вежану по согласованию с Алексеевым и Барковым организовать выездные сессии суда для срочного рассмотрения указанной категории дел.

В соответствии с действующим законодательством приговор крайсуда о высшей мере наказания мог быть обжалован в Верховном суде РСФСР. Эта процедура занимала длительное время, что, по мнению руководства края, существенно подрывало «воспитательное» воздействие смертной казни на «саботажников». Данную позицию разделял и Молотов, направивший 19 сентября в ЦК шифротелеграмму с просьбой «предоставить Эйхе право давать санкции на высшую меру наказания в Западной Сибири в течение сентября—октября месяцев». Положительный ответ поступил уже на следующий день, Эйхе получил право рассматривать апелляционные жалобы осуждённых к высшей мере наказания и лично санкционировать приведение приговоров в исполнение³².

21 сентября бюро крайкома приняло постановление «О мероприятиях по ускорению рассмотрения крайсудом кассационных дел по уборке и хлебопоставкам»³³. В нём предлагалось «для быстреего рассмотрения кассационных дел по хлебозаготовкам» организовать выездные сессии в Бийске, Барнауле, Омске, Славгороде и Ачинске. Органы связи обязывались организовать немедленную доставку дел в адрес кассационных коллегий. Поступающие дела рассматривались в суточный срок, а решения по ним сообщались по телеграфу «для немедленного исполнения приговоров».

²⁹ ГА НО, ф. Р-1027, оп. 8, д. 26, л. 79.

³⁰ Там же, л. 84—85.

³¹ Там же, ф. П-3, оп. 1, д. 600, л. 208.

³² Там же, оп. 2, д. 643 а, л. 1, 2.

³³ Там же, д. 575, л. 187 об.

Сроки рассмотрения наиболее резонансных дел устанавливались и решения по ним выносились не судами, а представителями краевого руководства. Так, 30 сентября Эйхе, Алексеев, Барков и председатель крайсуда В. Бранецкий от имени бюро крайкома рассмотрели вопрос о делах по «контрреволюционному саботажу» хлебозаготовок и хищению зерна³⁴. В частности, было решено: дело о «саботаже» в колхозе «Первое августа» и в с. Койт Косихинского района, по которому к суду привлекались 4 колхозника и 6 единоличников, рассмотреть 1—2 октября в Косихе, к «руководителю» группы единоличников применить высшую меру наказания; дело о «контрреволюционном саботаже» в колхозе «Большевик» Великорусской МТС Калачинского района (7 человек) рассмотреть 1 октября, к «руководителю» группы применить высшую меру наказания. Таким образом, Эйхе сначала определял круг обвиняемых и приговор, а на заключительном этапе прохождения дела рассматривал апелляцию на своё собственное решение.

Репрессии и административное давление на сельских функционеров в сочетании с организационными мерами способствовали увеличению объёмов заготовок. В сентябре в крае заготовили 44 083 тыс. пудов зерновых. Эта цифра менее чем на 2% уступала показателям того же месяца 1933 г. Выполнение повышенного заготзадания на месяц составило 63%³⁵. Газета «Советская Сибирь» информировала читателей, что на 1 октября годовой план выполнен на 40,4%, в том числе по колхозам, обслуживаемым МТС, — на 38%, по прочим колхозам — на 47,6, по единоличному сектору — на 86,1, по совхозам — на 21,3%³⁶. 30 сентября бюро крайкома утвердило план хлебозаготовок на октябрь³⁷. За месяц надлежало выполнить оставшуюся часть годового плана. Райкомы, директора совхозных трестов, начальники политотделов обязывались установить конечный срок выполнения плана для каждого совхоза, колхоза и сельсовета.

Нажим на держателей хлеба усилился, упрощалось и ускорялось прохождение дел по «контрреволюционному саботажу» заготовок. 2 октября бюро крайкома установило для них предельные сроки: «В прокуратуре — до 2-х суток, в краевом суде — не более 2-х дней»³⁸. 4 октября крайсуд потребовал от народных судов обеспечить «немедленное» исполнение приговоров по всем таким делам³⁹. 5 октября бюро крайкома предложило крайсуду для быстрейшего их рассмотрения отозвать с мест выездные кассационные коллегии, направив в Барнаул, Минусинск, Омск и Томск выездные сессии. Председатель суда и прокурор края обязывались «дать общие указания выездным сессиям и прокурорам о применении суровых мер наказания по делам контрреволюционного саботажа хлебозаготовок ([ст.] 58-14) и др., связанным с зернопоставками и крупными хищениями хлеба, отказавшись от предварительной дачи указаний по применению высшей меры наказания по конкретным делам и лицам». Устанавливался порядок, при котором помощники крайпрокурора после расследования указанной категории дел передавали их председателям выездных сессий крайсуда. Предлагалось все дела, подсудимые по которым приговаривались к высшей мере наказания, немедленно направлять нарочным

³⁴ Там же, оп. 1, д. 600а, л. 215—216.

³⁵ Там же, ф. П-3, оп. 2, д. 469, л. 347; оп. 7, д. 476, л. 5

³⁶ Советская Сибирь. 1934. 2 октября.

³⁷ ГА НО, ф. П-3, оп. 2, д. 575, л. 208 об.

³⁸ Там же, оп. 1, д. 600б, л. 154.

³⁹ Там же, ф. Р-1027, оп. 8, д. 26, л. 91. Данный порядок действовал до 1 ноября 1934 г.

в крайсуд, а суть приговора с указанием, «кто по соцположению приговорён к ВМН», передавать телеграфом⁴⁰.

13 октября на заседании Верховного суда РСФСР приняли решение организовать в Новосибирске выездную кассационную сессию для рассмотрения жалоб по делам, связанным с хлебозаготовками. Вынесенные определения должны были считаться «окончательными и подлежащими немедленному приведению в исполнение»⁴¹. В город также командировали старшего помощника прокурора РСФСР Г.М. Сегала. 27 октября от имени Сегала, председателя выездной кассационной сессии Верховного суда РСФСР В.М. Лебедева, Эйхе и Грядинского в ЦК направили телеграмму с просьбой до 15 ноября сохранить за Эйхе право утверждения приговоров о высшей мере наказания. Просьбу оперативно удовлетворили⁴².

В такой обстановке дела о «саботаже» заготовок оказались поставлены на поток. Служащие судов штамповали приговоры и отклоняли апелляции на них, не вникая в подробности. С 5 октября по 4 ноября было рассмотрено 158 дел. По ним провели 108 показательных судебных процессов в сельской местности, 46 процессов — в районных центрах и 26 — в городах. Из 779 человек, осуждённых по ст. 58-14 УК, 194 приговорили к расстрелу, 225 получили по 10 лет лагерей, 113 — от 10 до 5 лет лагерей, 170 — срок от 5 лет до 1 года, остальные — исправительно-трудовые работы. По закону от 7 августа 1932 г. («О коло-сках») репрессировали 140 человек, из них 46 приговорили к расстрелу. Эйхе до 1 ноября санкционировал исполнение высшей меры наказания в отношении 118 осуждённых. Остальные «расстрельные» приговоры в порядке апелляции передавались в Верховный суд. Всего с начала кампании до 1 ноября суды края по делам, связанным с уборкой и заготовками хлеба, приговорили к различным мерам наказания 7 962 человека. По ст. 61 УК РСФСР осудили 4 218 человек, в том числе 2 283 единоличника, за невыполнение заданий по зернопоставкам в административном порядке оштрафовали 19 470 единоличных хозяйств и 606 колхозов. При этом сумма штрафов, взысканная с единоличников, в 8 раз превышала сумму, полученную от колхозов⁴³.

В начале октября, наращивая давление на деревню, решили прибегнуть к внесудебным репрессиям — локальной высылке. 4 октября крайком и крайисполком приняли постановление «О хлебосдаче в Калачинском районе»⁴⁴, в котором констатировались «грубейшие нарушения закона о зернопоставках со стороны некоторых колхозов и значительного количества единоличников. На 1 октября годовой план зернопоставок выполнен в размере 10 проц[ентов], три колхоза ещё совершенно не участвовали в хлебосдаче, 30 колхозов выполнили годовой план ниже 10 проц[ентов], по трём сельсоветам единоличники не сдали ни одного килограмма хлеба». В постановляющей части перечислялись меры по отношению к «саботажникам». Колхозы «Валгус» Великолукского сельсовета («не сдавший ничего») и «Красная дубрава» Царицынского сельсовета («выполнивший 1,7 проц[ента] годового плана») подлежали роспуску, а их члены — высылке «в северную часть края». Выслать следовало и отдельных членов других колхозов района.

⁴⁰ Там же, ф. П-3, оп. 1, д. 6006, л. 155.

⁴¹ Там же, л. 33.

⁴² Там же, оп. 2, д. 643а, л. 4, 5.

⁴³ Там же, л. 114—116; д. 647, л. 2; оп. 7, д. 476, л. 7.

⁴⁴ Там же, оп. 2, д. 576, л. 3.

Операция по выселению членов распушенных колхозов прошла 7 октября. Избежали её семьи красноармейцев, бывших красных партизан, учителей, членов ВКП(б) и ВЛКСМ, а также крестьяне, вступившие в колхозы в сентябре 1934 г. Всего выслали 460 человек. С них взыскивались все денежные и натуральные налоги и сборы, рассчитанные по более высоким нормам для единоличных хозяйств. На покрытие штрафов и задолженностей перед государством пошло имущество колхозов. Для сбора урожая на их площадях мобилизовали колхозников четырёх соседних хозяйств. Согласно данным районного финансового отдела, штраф, наложенный на «Валгус», взыскали полностью, а с «Красной дубравы» — лишь наполовину, на полную оплату не хватило средств⁴⁵.

Тем временем объёмы хлебозаготовок наращивались. За первую пятидневку октября заготовили 13,1 млн, за вторую — 14,3 млн пудов⁴⁶. В середине месяца в Западную Сибирь прибыл ещё один высокопоставленный эмиссар — секретарь ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович с поручением на месте проконтролировать ситуацию и добиться форсирования хлебосдачи. 15 октября он участвовал в заседании бюро крайкома, на котором утвердили текст директивного письма всем райкомам, райисполкомам, политотделам и директорам совхозов и МТС. В нём содержалось требование обеспечить выполнение годового плана государственных заготовок к 1 ноября⁴⁷. Четвёртая и пятая пятидневки октября объявлялись «решающими». Местные органы власти обязывались: увеличить количество лошадей, тракторов и автомобилей, занятых в вывозке хлеба, и обеспечить их бесперебойную работу; установить повседневный контроль за выполнением ежедневных заданий по хлебосдаче в каждом колхозе; «прикрепить всех работников, посланных в деревню, к определённым колхозам и крупным бригадам, а в совхозах — к отделениям, не допуская гастролёрских разъездов из колхоза в колхоз»; райкомам дополнительно выделить из райпартактива лучших работников и направить их в отстающие колхозы сроком на 10 дней; председателям райисполкомов «лично» и по каждому сельсовету проверить выполнение единоличниками обязательств по зернопоставкам и «немедленно применять статью 61-ю и досрочное взыскание хлеба к нарушителям закона». В заключение крайком и крайисполком обещали следить за работой каждого райисполкома, райкома и политотдела и наказывать каждого, кто сорвёт выполнение задания.

17 октября в Омске началось двухдневное совещание секретарей райкомов и начальников политотделов МТС и совхозов ряда прилегающих к городу районов («куста») по вопросам хлебозаготовок⁴⁸. В нём приняли участие Эйхе и Каганович, посетивший до этого Алейский, Шипуновский, Бийский, Прокопьевский, Сталинский и Омский районы. В повестке значились краткие сообщения с мест, но на деле совещание превратилось в допрос и разнос местных руководителей. Так, после выступления начальника политотдела Изылбашской МТС, объяснившего неудовлетворительный ход сдачи недостатком транспортных средств для вывоза зерна, Каганович заявил ему: «Вы — кооператор, несчастный кооператор сельского хозяйства старого типа,

⁴⁵ Там же, д. 645, л. 83; Исторический архив Омской области, ф. Р-437, оп. 9, д. 131, л. 115, 125.

⁴⁶ ГА НО, ф. П-3, оп. 2, д. 588, л. 91.

⁴⁷ Там же, д. 640, л. 33—34 об.; Советская Сибирь. 1934. 16 октября.

⁴⁸ ГА НО, ф. П-3, оп. 2, д. 607 (стенограмма).

а не начальник политотдела. Вы — поверенный в делах худшей части колхоза, а не начальник политотдела».

22 октября бюро крайкома утвердило совместное с крайисполкомом постановление «О ходе хлебозаготовок по Немецкому району»⁴⁹. В нём отмечалось, что, несмотря на предупреждения краевых властей, райком и райисполком, а также политотделы Гольбштадтской и Орловской МТС «систематически срывают выполнение планов хлебозаготовок и своим бездействием, гнилым либерализмом потворствуют кулацким элементам»⁵⁰. В связи с этим приказывалось снять с работы, исключить из партии и отдать под суд председателя райисполкома Динкеля, снять с работы и исключить из партии секретаря райкома Вильгаука и районного прокурора Фриша. Решение вопроса о пребывании в партии и на работе начальников политотделов районных МТС зависело от результатов выполнения пятидневного задания. В район «для проведения соответствующих мер на месте» командировался начальник крайуправления НКВД Алексеев.

Усилия руководства края увенчались успехом. В течение месяца удалось собрать рекордный объём хлеба — 72 млн пудов⁵¹, а месячный план перевыполнить почти на 4%. Более того, к 1 ноября достигли и годового задания: бюро крайкома на состоявшемся в этот день заседании констатировало, что оно выполнено на 101%⁵². 2 ноября в «Советской Сибири» опубликовали адресованный Сталину, Молотову, Кагановичу и Жданову рапорт об этом⁵³.

Следствием этого стало сворачивание чрезвычайных мер воздействия на «саботажников». Отзывались выездные сессии крайсуда. Восстанавливались процессуальные нормы, в частности прежний порядок прохождения дел, подсудных специальной коллегии краевого суда по ст. 58-14 УК РСФСР⁵⁴.

2 ноября состоялось радиосовещание руководителей районов⁵⁵. Вёл его Эйхе, отметивший, что край одержал «крупную» победу, выполнив план на месяц раньше, чем в 1933 г. Заготовлено на 17 млн пудов больше, чем в предыдущем году. Но победа одержана силами передовиков, не все районы закончили хлебосдачу. Эйхе поставил задачу перед выполнившими план районами добиться его выполнения каждым колхозом и единоличником, а перед отстающими — выполнить план к 7 ноября.

Принимались меры к активизации хлебосдачи в совхозах, где на 1 ноября годовое заготовительное задание выполнили лишь на 88,6%. Директор Новосибирского зернотреста Гаврилов назвал следующие причины отставания: «Скверная организация сушки [зерна], затяжка обмолота, крупнейшие недостатки в организации труда и транспорта». По его мнению, «немаловажную» роль также сыграли «растерянность, отсутствие опыта у некоторой части ру-

⁴⁹ Там же, д. 576, л. 48.

⁵⁰ На 20 октября Немецкий район выполнил годовой план хлебосдачи по колхозно-крестьянскому сектору на 49% (Советская Сибирь. 1934. 22 октября).

⁵¹ ГА НО, ф. П-3, оп. 7, д. 476, л. 5.

⁵² Там же, д. 576, л. 62 об. По оперативным данным, колхозно-крестьянский сектор выполнил годовой план по зернопоставкам на 100,1%, совхозы план хлебосдачи — на 88,6, план сбора натуроплаты — на 105% (Советская Сибирь. 1934. 1 ноября).

⁵³ Рапорт Западно-Сибирского края также опубликовали газеты «Правда» и «Известия» 3 ноября.

⁵⁴ ГА НО, ф. Р-1027, оп. 8, д. 26, л. 93; ф. П-3, оп. 1, д. 6006, л. 158.

⁵⁵ Советская Сибирь. 1934. 5 ноября.

ководителей совхозов, впервые проводящих уборку и хлебосдачу (из 12 совхозов, затянувших хлебосдачу, 9 директоров первый год работают в зерносовхозах и большинство — впервые в сельском хозяйстве вообще)⁵⁶. 13 ноября бюро крайкома, рассмотрев вопрос «О выполнении плана хлебосдачи Новосибирским зернотрестом»⁵⁷, приняло решение за невыполнение плана в установленный срок снять Гаврилова с работы. Сельхозотделу крайкома и новому руководству треста поручалось «проверить каждый совхоз и проработать практические мероприятия по каждому совхозу». 20 ноября бюро, «учитывая необходимость скорейшей сдачи государству всех товарно-хлебных излишков совхозов Омского зернотреста», обязало райкомы сельских районов, на территории которых располагались хозяйства треста, мобилизовать колхозников и единоличников для скирдования и обмолота хлеба. Скирдование следовало завершить за 6 дней, а обмолот — за 23 дня⁵⁸.

Поскольку основную массу «товарного» хлеба заготовили в октябре, темпы заготовок в ноябре снизились, составив за первую половину месяца лишь 6 706 тыс. пудов⁵⁹. В середине ноября заготовительная кампания фактически завершилась и хлебосдача перешла в режим дозаготовок. Основные усилия направлялись на обеспечение плановых объёмов сбора гарнца, форсирование хлебозакупа и организацию вывоза зерна из глубинных пунктов.

7 декабря ВЦИК принял постановление о разукрупнении Западно-Сибирского края, согласно которому ряд западных и восточных районов переходили в состав новообразованных Омской обл. и Красноярского края⁶⁰. Изменение административно-территориального деления отразилось на статистике хлебозаготовок. Итоги кампании 1934 г. подводились уже в новых территориальных рамках. Данные об объёмах централизованных заготовок в старых границах выявлены лишь по состоянию на 15 ноября. Всего заготовили 125 902 тыс. пудов хлебопродуктов. Совхозы сдали 14 323 тыс. пудов, единоличники — 10 662 тыс., колхозы в счёт поставок — 71 079 тыс., колхозы в счёт натуроплаты — 26 366 тыс., возврат натуральных ссуд составил 3 473 тыс. (см. табл.). Удельный вес совхозов (без учёта возврата натуральных ссуд) равнялся 11,7%, колхозов — 79,6, единоличников — 8,7%. В государственные централизованные фонды передали 122 973 тыс. пудов⁶¹. Государственный план по всем видам заготовок был выполнен на 105,9%, в том числе колхозами — на 98,1, совхозами — 91,6, единоличниками — на 174,2, госпоставок в целом — 104,1, поступления натуроплаты — 113,4%. К 1 декабря показатели выполнения плана (в старых границах) выросли до 106,8, к 1 января 1935 г. — до 107%⁶².

Западная Сибирь внесла весомый вклад в стабилизацию продовольственной ситуации в стране. Ноябрьский (1934) пленум ЦК принял постановле-

⁵⁶ Советская Сибирь. 1934. 1 ноября; ГА НО, ф. П-3, оп. 1, д. 592, л. 20—21. Отсутствие опыта работы у многих директоров — следствие проведённой политотделами в 1933 г. чистки руководящих кадров совхозов.

⁵⁷ ГА НО, ф. П-3, оп. 1, д. 592, л. 1.

⁵⁸ Там же, д. 594, л. 16.

⁵⁹ Там же, оп. 7, д. 476, л. 5.

⁶⁰ Собрание узаконений РСФСР. 1935. № 5. Ст. 56.

⁶¹ Без учёта двухпроцентной надбавки к нормам зернопоставок, расходовавшейся на нужды ряда категорий сельской интеллигенции, и пятипроцентного отчисления от объёма натуроплаты, поступающего в распоряжение МТС.

⁶² ГА НО, ф. П-3, оп. 2, д. 589, л. 127 об.

ние «Об отмене карточной системы по хлебу и некоторым другим продуктам». В нём подчёркивалось, что государство «теперь располагает достаточно большим количеством хлеба для того, чтобы полностью и безусловно обеспечить население без карточной системы путём повсеместного развёртывания широкой торговли хлебом»⁶³.

Таблица

Итоги хлебозаготовок в Западно-Сибирском крае по видам и секторам на 15 ноября 1934 г.

Вид и сектор заготовок	Общий объём (тыс. пудов)	В том числе государственные заготовки	
		тыс. пудов	выполнение плана (%)
Обязательные поставки	81 741	80 130	104,1
В том числе:			
колхозов	71 079	69 678	98,1
единоличников	10 662	10 452	174,2
Натуроплата МТС	26 366	25 047	113,4
Хлебосдача совхозов	14 323	14 323	91,6
Возврат ссуд	3 473	3 473	247,5
Итого	125 902	122 973	105,9

Составлено по: ГА НО, ф. П-3, оп. 7, д. 476, л. 2, 6.

Однако успех кампании обеспечило сверхнормативное изъятие хлеба. Как следствие, в недородных районах начался голод. Зерно, которое там удалось убрать и высушить, отобрали почти подчистую. Многие колхозы в результате остались без хлеба для выдачи по трудодням. По информации краевого земуправления, в 12 наиболее пострадавших от неурожая районах из 718 колхозов 166 (23%) распределили на трудодень менее 1 кг зерна, 197 (27%) — от 1 до 2 кг⁶⁴. Голодающие крестьяне выходили из колхозов и бежали из деревни. Так, например, секретарь Солонешенского райкома сообщал в крайком, что в 1934/35 г. из района выбыло 1 610 дворов колхозников и единоличников. Кроме того, «около 100 человек умерло от септической ангины. Из-за бескормицы район имел исключительно плохое состояние тяговой силы и потерял 888 рабочих лошадей»⁶⁵.

Особенности хлебозаготовительной кампании 1934 г. в Сибири определялись недородом на Украине. Стремясь компенсировать его последствия, центр потребовал от Западно-Сибирского края добиться сокращения сроков хлебосдачи. Контроль за реализацией данной задачи осуществляли высокопоставленные уполномоченные ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Давление на деревню уси-

⁶³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М., 1985. С. 183.

⁶⁴ Аграрная политика Советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. Новосибирск, 2011. С. 246—247.

⁶⁵ Там же. С. 233.

лилось, основной упор при этом делался на судебные репрессии. Для усиления эффекта устрашения был максимально упрощён порядок судопроизводства, применялись и внесудебные карательные акции. Сконцентрировав на «хлебном фронте» основные усилия административно-карательного аппарата, властям края удалось добиться досрочного выполнения годового плана централизованных хлебозаготовок. Однако успех был достигнут дорогой ценой. Вновь, как и прежде, сверхнормативное изъятие хлеба вызвало голод, охвативший в первую очередь недородные районы края, и бегство крестьян из деревни.

Несмотря на специфику кампании 1934 г., методы её проведения по сравнению с предыдущими качественно не изменились. Основным способом изъятия необходимых государству объёмов хлеба оставалось внеэкономическое принуждение. Поскольку массовые репрессии ослабляли колхозы, режим пошёл на смягчение хлебозаготовительной политики. В 1935 г. региональные органы власти получили директиву на сворачивание репрессивной деятельности в деревне. В 1935—1937 гг. несколько раз снижали нормативные размеры хлебосдачи⁶⁶. Ставка делалась на организационно-хозяйственное укрепление колхозов. Однако относительная либерализация была недолгой. В конце 1930-х гг. в условиях подготовки к войне произошло усиление налогово-податного обложения колхозов. Вновь расширились масштабы репрессий.

⁶⁶ *Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни... С. 115—118, 133.